

УДК 821.161.1 Бажов-3 + 94(470.5)

Г. А. Григорьев

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П. П. БАЖОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ)

Впервые на материале эпистолярного наследия П. П. Бажова рассматриваются исторические взгляды писателя. Очерчивается круг его основных исторических интересов, выявляются характерные особенности его исторического мышления.

К л ю ч е в ы е с л о в а : П. П. Бажов; эпистолярное наследие; история Урала; литература Урала.

Фрагменты писем, в которых П. П. Бажов так или иначе касается вопросов исторической тематики — одни из самых объемных и многочисленных в эпистолярном наследии, что, кроме всего прочего, отражает расстановку внутренних приоритетов писателя. История как одна из фундаментальных составляющих творческого пути П. П. Бажова осознана исследователями практически с первых значительных работ о его жизни и творчестве [Скорино; Батин; Гельгардт]. Формулировка «Бажов как историк» [Дублённых; Гаврилов] также возникает совершенно не случайно: историко-публицистический очерк — жанр, с которого начинается литературная деятельность П. П. Бажова. Отметим, что все работы в этом направлении — преимущественно обзорные (попытка анализа предпринимает лишь М. А. Батин, который обсуждает некоторые исторические взгляды, высказанные П. П. Бажовым в его письмах, во вступительной статье к изданию «Публицистика. Письма. Дневники» [Бажов, с. 5–29]). И. Ф. Плотников, автор единственной на сегодняшний день монографии, посвященной непосредственно историческому дискурсу в жизни и творчестве писателя, достаточно подробно характеризует историко-публицистическую деятельность П. П. Бажова, но, к примеру, принципиально не касается сказовой прозы и ее исторической основы. Кроме того, в поле зрения данного исследователя попадает лишь одно письмо (письмо к А. А. Суркову, датируемое 1945 г.) [Плотников, с. 88–92].

Несмотря на то, что к вопросу роли истории в творчестве П. П. Бажова обращались многие, как правило, это выражалось в попытке проанализировать историческую основу того или иного сказа [см., например, Езовских, с. 52–63; Гельгардт, гл. 2, 4]. В связи с тем, что некоторые эпистолярные высказывания писателя исторического характера довольно прочно вошли в научный оборот, нередко исследователи обращаются и к ним. Однако выборочное цитирование; отсутствие исторического и биографического контекста, в котором была высказана та или иная мысль; произвольно расставленные акценты — такая манера использования писем делает из них достаточно аморфный материал, в котором собственно автор попадает почти в полную зависимость от исследователя. Чрезвычайная фрагментарность таких обращений вкупе с почти полным отсутствием аналитических работ

по нашей заглавной теме не позволяет признать проблему исторических взглядов П. П. Бажова в его эпистолярном наследии хоть сколько-нибудь исследованной.

Основная задача данной статьи — на материале эпистолярных текстов П. П. Бажова восстановить круг исторических интересов писателя и попытаться упорядочить многочисленные фрагменты исторической тематики (писатель крайне редко посвящает сугубо историческим вопросам целое письмо, как правило, интересующие нас фрагменты соседствуют с обсуждениями самых разных вопросов и тем) путем выделения нескольких групп с доминированием той или иной исторической проблематики в каждом из этих фрагментов¹.

Одна из наиболее распространенных — ситуация, в которой П. П. Бажов рассуждает на исторические темы в связи с неким внешним фактором. Чаще всего, это реакция на появление новых работ, так или иначе связанных с историей Урала или России (мировой истории он касается крайне редко). В первую группу, выделяемую нами, можно отнести фрагменты писем, в которых П. П. Бажов, в основном, ограничивается комментариями и замечаниями по поводу конкретно-исторических фактов или исторических фигур.

Например, в письме от 10 июля 1946 г. к Л. И. Скорино писатель высказывает замечание по поводу работы В. А. Соловьева: «В пьесе Соловьева “Великий государь” монах-обличитель выходит с четырехконечным крестом на груди, тем самым “латынским крыжем”, который в те времена был ненавистен московскому населению не менее, чем свастика советскому человеку. Появись такой наглый крыженосец на улицах Москвы времен Грозного, такого бы разорвали на куски, а тут ничего, — к царю допустили!» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21329 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 10.07.1946 г.), л. 2].

В том же письме П. П. Бажов критикует и роман В. И. Костылева «Иван Грозный»: «Следовало бы по-новому посмотреть на первую жену Грозного. Ее голубиные свойства ведь не случайно раздувались в прошлом, т. к. она была звеном связи дома Романовых с так называемыми Рюриковичами. Отсюда и шла ее идеализация. Почему же нам принимать это на веру? Экзотика Темрюковны тоже выскакивает за исторические габариты. Московские цари, случалось, женились и на гречанках, и на полячках, и на черкешенках, но все эти женщины одинаково становились теремницами и обязательно принимали “московскую веру” и московские обычаи. Допустить, чтоб такой ревностный блюститель царского ритуала, каким должен быть Грозный, любовался на то, как его царица в татарских штанах скачет на аргамаке по кремлевскому двору, и сам снимает ее с седла — это, конечно, исторический нонсенс. Нонсенс кричащий, но его печатают не в Балахне или Пензе, а в ГИХЛе. У Сурикова есть незабываемый контраст одухотворенного, подвижнического лица митрополита Филиппа с звероподобным Малютой Скуратовым. Для Сурикова это было вполне закономерно, но когда это гориллоподобное существо переносится

¹ Все цитаты из писем П. П. Бажова в данной статье приводятся по подлинникам или копиям, сохранившимся в фондах Объединенного музея писателей Урала, в современной орфографии.

целиком, вплоть до расцветки частей его костюма, в роман Костылева, то остается удивляться исторической девственности тех, кто это делает» [Там же, л. 3–4].

В другом письме, к А. А. Суркову (1945 г.), П. П. Бажов обращает внимание на исторические нестыковки в романе Е. А. Федорова «Демидовы»: «Автор, рассказывая о строительстве невянской башни, говорит: забивались дубовые сваи в обхват. Каждый читатель пройдет это место спокойно. Что ж, дуб не баобаб, не фиговая пальма. Крепкое дерево, в нашей стране растет. Бывает еще “мореный”, или томленный. А вот растет ли это дерево на Урале, или нет ли там другого, более пригодного для свай — это можно и не знать. В результате, получается хорошо усваиваемая развесистая клюква» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 11218 (Авторская копия письма П. П. Бажова к А. А. Суркову, 1945 г.), л. 3].

«Приходят скитники из Сибири, просят отлить им колокол и за услугу обещают показать медные и серебряные руды. Сделка состоялась. Доверенный Демидова обследовал место, колокол отлили, прочитывается легко, но и рассыпается того легче, если задать вопрос, зачем сибирским скитникам пришло в голову обзаводиться колоколом, когда они употребляли лишь било и клепало» [Там же, л. 4].

Подобные примеры можно множить, но единая линия просматривается уже и здесь. Фрагменты такого характера могут быть интересны исследователю, к примеру, в качестве наглядного доказательства той эрудированности, которая восхищала современников П. П. Бажова. Проявляются в них и черты редакторской манеры писателя. Но, вероятно, самое интересное здесь — именно черты исторического сознания П. П. Бажова. Для него привычен ход мыслей, при котором, во-первых, любая историческая деталь проверяется, подвергается критике. Во-вторых, источник исторического знания П. П. Бажов трактует весьма широко — ботанические сведения о природе Урала, бытовые детали жизни сибирских скитников, картины художников и т. п. являются, по П. П. Бажову, обязательными источниками информации, необходимой для осмысления исторического прошлого.

Сколь бы ни были многочисленны фрагменты приведенного, фактографического рода, все же самым характерным типом эпистолярного фрагмента исторической тематики является следующий: *р а з м ы ш л е н и я и с т о р и о г р а ф и ч е с к о г о п о р я д к а*. Несомненно, что более всего П. П. Бажова занимает история как наука обобщающая, осмысляющая и интерпретирующая крупные, значительные явления в жизни. Проблемам и успехам научного освоения «страниц» исторического прошлого посвящены, очевидно, самые эмоциональные, актуальные для самого автора фрагменты писем.

Продолжая разбирать книгу Е. А. Федорова о Демидовых, П. П. Бажов пишет: «А открытие медных и серебряных руд в Сибири разве мало значит? Оно ведь не так легонько пришло, как придумано в романе. Опять новая, никем не читанная страница истории (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — Г. Г.), связанная с Петром и его ревностным сподвижником Акинфием Демидовым» [Там же, л. 13].

В письме к Е. А. Пермяку писатель рассказывает о праздновании 200-летия золотопромышленности на Урале: «"Уральский рабочий" отвел все-таки страницу, где, как полагается в таких случаях, помещены статьи руководящих работников союза рабочих добычи золота и платины. (Так и пишут: рабочих добычи!). Одна из них меня положительно умилила своей исторической частью. Такое соединение самоуверенного тона с чисто детской наивностью в истории встречается не часто. Может служить примером. Отрицательным, конечно. И хуже всего, что это никто, кроме двух-трех человек, не заметит. С историей Урала у нас плохо так, что и хуже не может быть. Займется же когда-нибудь наш университет этим непаханным полем, над которым теперь увидишь лишь малюсенькую горсточку людей, вооруженных доисторическими орудиями производства» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: НВФ 5108 (Копии писем П. П. Бажова Е. А. Пермяку, 1940-е гг.), л. 32].

П. П. Бажов, вероятно, очень пристально следит за появлением в печати любых работ, связанных с историей, и следует отметить, что не все вызывают у него негативную реакцию. Так, 8 января 1946 г. он пишет А. В. Астафьеву: «Большое Вам спасибо за посылку номера "Большевистское слово", посвященного 130-летию граверного искусства в Златоусте. Прекрасный, очень содержательный разворот, где удалось показать и старых и молодых мастеров. Жаль, что такие вещи встречаются в наших газетах лишь по случаю юбилейных дат. А как бы все это надо!» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 18847 (Подлинник письма П. П. Бажова к А. В. Астафьеву, 8.01.1946 г.), л. 1].

Безусловно, наибольший интерес у П. П. Бажова вызывает ситуация с историей Урала. За ней он следит пристально, мнение о ней сформировано более чем определенно. Приведем большой, но важный своей цельностью фрагмент из письма к Л. И. Апарникову от 30 октября 1946 г.: «Относительно того, что читать по истории культуры Урала ответить трудно. Можно, конечно, перечислить немало книг, но все это более или менее случайно, не всегда научно, а иногда и вовсе спорно. Вернее сказать, что ничего фундаментального по истории культуры Урала нет.

Надо сказать, что эта часть государства развивалась односторонне, как индустриальная. Здесь было довольно большое количество технических работников, но гуманитарные науки почти не имели своих представителей. Достаточно сказать, что за двести с гаком лет заводской жизни средний Урал (основной в металлургическом производстве) выделил только одного историка Н. К. Чупина, который оставил доведенный до буквы К историко-географический и статистический словарь и ряд статей по колонизации Урала. Написанная на основе его работ книга Н. Колупанова "История колонизации и горного дела" так и не вышла отдельным изданием. Ей пользуются лишь в виде выборок из журнала "Беседа" за 1878 г. Молотовской части (по-прежнему — Пермской) более посчастливилу. Там работали Н. Попов ("Хозяйственное описание Пермской губернии"), В. Н. Шишонко ("Летописи", 5 томов), Смышляев, Дмитриев ("Пермская старина"), Новокрещённых, Волегов, Сигов и др. Большинство из них дилетанты, занимавшиеся историей на досуге. Шишонко, например, врач по образованию, инспектор народных училищ по работе,

Смышляев — председатель управы, Волегов и Новокрещённых — управляющие именными Строгановых.

Все это заставляет утверждать, что подлинная история Урала еще не началась, и уральцы вправе ждать помощи от центра, где в настоящее время сосредоточены архивы, а также обеспечена возможность пользоваться всем вышедшим в печати материалом.

По истории заводской техники положение лучше. Тут есть такие ценные книги, как Струмилин, Бакланов². В современности по этому разделу много работает В. В. Данилевский.

В художественной литературе полнее всего Урал отображен Д. Н. Маминым-Сибиряком, о северном Урале хорошо сказано у К. Д. Носилова. Там, правда, чувствуется струя миссионерских взглядов, но все же источник прекрасный. Из других уральских писателей можно назвать Кирпищикову, Колотовкина, Заякина-Уральского, А. Погорелова (Сигова), Туркина, Казанцева» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 11218/1164 (Авторская копия письма П. П. Бажова к Л. И. Апарникову, 30.10.1946 г.), л. 2–3].

В своих размышлениях П. П. Бажов, хоть и не часто, но выходит на уровень российской истории. Например, в письме к Е. А. Пермяку он делится впечатлениями от книги Е. А. Вердеревского «От Зауралья до Закавказья» (1857), обсуждая некоторые сентенции автора: «Дело вовсе не в ограниченности вкуса к комфорту, а в другом понимании этого комфорта. Кедровое бревно, дающее мало щелявости и хорошо поддающееся чистке — это комфорт, а резное дерево внутри помещения — это клоповодство. Браная скатерть — комфорт, а вязаные, плетеные или иным способом продырявленные тряпки пригодны только для нежилых помещений и попали в наш обиход как отрыжка барства, которое меньше всего думало о тех, кому приходилось возиться со всей этой штуковиной сомнительной значимости. Словом, люди тоже не без голов ходили, и смотреть на них надо не всегда сверху вниз, а может быть, наоборот. Погодите вот, напишет еще кто-нибудь поэму о русской избе. Не о коньках и резьбе, а о том гениальном использовании малых объемов для сложнейшего комбината, где не только жили, но и пекли, и варили, стирались и хомуты сушили, хлеб расслаживали и овощ хранили, да еще ухитрялись таких ребят выращивать, которых прямо в сказку ставь» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: НВФ 5108 (Копии писем П. П. Бажова к Е. А. Пермяку, 1940-е гг.), л. 111]. Но и здесь осмысление истории жизни именно народа, основ его культуры и быта является ведущей темой для суждений П. П. Бажова.

Писатель редко высказывает ту или иную мысль в отрыве от своего основного интереса — истории Урала. Довольно характерным мотивом является попытка нащупать грань, и соединяющую, и отделяющую уральскую историю от истории русской. В уже упомянутом письме к А. А. Суркову от 1945 г. П. П. Бажов так подытоживает свои рассуждения: «Попутно хотелось высказать и свою точку зрения на Демидовых и посоветоваться, не время ли показать их в полный государственный, а не уральский

² Имеется в виду [Струмилин; Бакланов].

только рост и по-новому раскрыть тайну Невьянской башни» [цит. по: Бажов, с. 156]. Другой пример, из письма к Л. И. Скорино по поводу работы над статьей о Свердловске: «Ведь нет у нашего города полно записанной истории, а он стоит. И как еще стоит! Путь развития этого города настолько своеобразен, что надо удивляться близорукости наших историков и экономистов, которые до сих пор не догадались заняться всерьез этим городом. Главное, он рос за счет инициативы “нижних слоев” и, может быть, даже в какой-то степени за счет “людскости тамошних женщин”, чему в свое время дивились разные “знатные путешественники”. А печать? Ведь в этом уездном городе постоянно действующий печатный орган появился с 1879 года. Попробуйте посмотреть в справочных изданиях и Вы убедитесь, что это показатель для уездного города тех дней совершенно исключительный. А комбинированная Биржа начала нынешнего столетия? Из 71, какие имелись тогда во всей империи! Это ведь тоже штука! Словом, одно раздражение» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21327 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 18.09.1945 г.), л. 4].

По П. П. Бажову, Урал и его историю ни в коем случае нельзя отделять от истории национальной, и все же на Урале происходили процессы, выделяющие этот край на фоне многих других регионов страны. Эта специфика, не увиденная, не изученная хоть в сколько-нибудь полной мере — вероятно, важнейший предмет исторических изысканий писателя. Оттого общая неудовлетворенность состоянием как уральской, так и русской исторической науки зачастую вызывает у П. П. Бажова реакцию даже личного порядка («Наворочали вон романищев, что до конца не доберешься, а нового в них только то, что одно поставлено на другое место, да выброшены кой-где красненькие флажки “для советскости”. Старикам часто не удастся выпутаться из-под власти прежних исторических образцов, а люди основного возраста, как известно, не очень-то занимались историей» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21329 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 10.07.1946 г.), л. 1]). Писатель пытается понять истоки такого состояния науки («Понятно, что при таких условиях надо прописать большое воздержание от исторической тематики» [Там же, л. 2]). И в следующем письме тому же адресату развивает свою мысль, пишет о «каком-то календарном определении истории и современности. Поставлен на перелицованном “Детстве Никиты” 1946 г. — современность, поставлена на вещи, написанной на самую острую тему современности, дата прошлого — старина, история» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21330 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 17.09.1946 г.), л. 2]). Писатель не игнорирует роль государственной политики в этой ситуации, но коренную причину видит в другом: «Раз выдержал свою длинную полосу боязни демонического в советской литературе, то дождусь и демаркации, что в истории нам всегда нужно, что вовсе не нужно. Думаю, что это не заставит долго ждать» [Там же, л. 2–3]; «В руководящих статьях, правда, говорится, что история вовсе не отвергается, нужна лишь пропорция, но ведь практически вопрос будут решать те, кто порой не могут заметить даже крыжа. Из боязни ошибиться начнут действовать обычным способом. Сказка? Нет, не нужно. Легенда? Что Вы, батенька, газет разве не читаете? Сказ? Ну, знаете, подальше от всяких сказов! Нам нужна

современность! Понимаете — современность, а не какие-то там посказульки из старины» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21329 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 10.07.1946 г.), л. 2].

Не слишком стройная государственная позиция, бюрократическая путаница и связанные с ней несуразности лишь усиливают главное — отсутствие научно-исторической культуры, некой этики в работе с историческими темами. Критическое отношение к любым источникам, необходимость работы с архивами и первоисточниками, специальная теоретическая подготовка к работе с историей — об этом П. П. Бажов пишет много и настойчиво. Так, отвечая начинающему писателю, дает совет: «Если хотите заняться историей города, то надо начинать не с литературных источников, а с работы в архивах, получив предварительную подготовку к работе этого рода. Лучше все-таки делать это нормальным путем, т. е. в школьные годы учиться как можно лучше, потом пройти высшую школу, выбрав ее с учетом своих склонностей. Тогда, смею уверить, Вы при желании и усидчивости найдете в наших уральских архивах столько нового, что принятая теперь история будет вызывать лишь улыбку» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 11218/1148 (Авторская копия письма П. П. Бажова к начинающему писателю, 29.09.1947 г.), л. 8].

По поводу замыслов Е. А. Пермяка о книге, связанной с историей горы Благодати, П. П. Бажов пишет не раз, ему чрезвычайно близка эта тема, он искренне желает помочь прежде всего методологически: «Ваши гороблагодатские письма читаю с нарастающим удовольствием: чувствуется, что гора захватывает по-серьезному, как и следует по положению магнитной горы. Штука, что говорить, большая. Мотив “денежки-погонялочки” еще звучит, но уже его заметно приглушили мелодии из Геннина, Белова, Струмилина. Того гляди, за Беловым пойдут Беляев и Фирсов, за Струмилиным — Бакланов, за Туганом — Сигов и т. д. вплоть до Колюпанова и Чупина³, а за ними выплывает и то, о чем давно говорю — историю Урала надо поднимать с архивов и народных преданий. Какая-нибудь запись бергшворена [присяжного надзирателя рудника] Волкова 2-го “о словах, употребляемых в Кушвинском заводе при доменном производстве” дает больше, чем самая кричащая запись расходов Штемберга, проматывавшего тот же завод. Поэтому желаю Вам еще больше увлечься первоисточниками» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: НВФ 5108 (Копии писем П. П. Бажова к Е. А. Пермяку, 1940-е гг.), л. 79].

Проблема пренебрежения историей как наукой, требующей немалых усилий, но и заслуживающей трудов, возникает и в этом письме: «Охотников искать “стоящие пласты” у нас крайне мало. Как работающему рядом с историей, мне это особенно видно. Перелопачивают, что полегче, а копнуть заново боятся и не хотят, и получается не лучше того, что мне как-то предлагал покойный профессор Чернявский. У него была диссертация на тему “История Оренбургской епархии”, вот он и говорит: “Давайте напишем теперь о Пугачёвском бунте. Материалу у меня много, а Вы марксистского соуса прибавьте и там всяких пейзажей”. Так

³ Имеется в виду [Геннин; Белов; Фирсов; Туган-Барановский; Сигов; Колюпанов; Чупин].

ведь Чернявский был старик и профессор богословия! С него не взыщешь. А когда такое же почти видишь в историческом романе, то становится не по себе. Да еще хотят “всего достичь, не утруждая ни глаза, ни зада”, — за счет “голого таланта”, а не выходит. И никогда не выйдет без большого участия глаз и сиденья даже при самой большой одаренности» [Там же, л. 73–74].

Как уже отмечалось, одна из наиболее распространенных — ситуация, в которой П. П. Бажов рассуждает на исторические темы в связи с внешними событиями. Однако, сохранились эпистолярные размышления иного направления, связанные с собственным творчеством и историческими вопросами, с которыми П. П. Бажов сталкивается в своей художественной практике. В таких случаях наиболее обоснованным будет также выделение двух типов авторских дискурсов, подобных тем, которые рассматривались нами выше.

• Первый тип связан с некими единичными свидетельствами, характеризующими метод работы писателя. В этом случае невозможно проникновение в глубинные процессы творчества, но наглядно просматриваются приемы предтекстовой подготовки П. П. Бажова. В переписке с одним из своих переводчиков писатель разъясняет значения и происхождение отдельных слов: «Ботанического названия конотопа не знаю. Это стелющееся растение, которое встречалось в местах скопления дорожной пыли: на обочинах мостовых, около канав и мостиков. Растет на плотно утрамбованной почве. Порой затягивает все полотно мало проезжих дорог и даже держится на “конском ходу”, т. е. между коленями, там, где ступает лошадь. Отсюда, очевидно, и название конотоп»; «В Берёзовском руднике золото содержится в особых гранитопорфировых жилах (дайках). Гранитопорфир имеет свое название — березит, принятое в мировой геологической номенклатуре. Местами березитовые жилы пересекаются кварцевыми прожилками. Такие пересечения, где иногда можно встретить золотые крупинки в более свободном состоянии, и называются рассечками. Причем по сопровождающим породам заранее можно определить, в какой рассечке можно ждать золота, в какой — нельзя»; «Дайки. Здесь игра слов. Английское Дайж — столбик звучит сходно с русским “Дай-же”, то есть давай. Это омонимирование слов, вероятно, и послужило основой сказа»; «Жабреем у нас называется сорняк, растущий в хлебах. Ботаническое его название, кажется, галеопсис. Зовут это растение еще курятным шпильником. Цветок желтый. Растение к поре созревания становится очень колючим. Отсюда переносное значение — колючий, неприветливый» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 11218/1162 (Авторская копия письма П. П. Бажова к К. М. Федоровичу, 27.08.1947 г.), л. 2, 5]. Обращает на себя внимание уже знакомый нам широкий диапазон знаний, участвующих в формировании словесного образа. Можно заметить, что мышление Бажова-писателя здесь сливается с мышлением Бажова-историка.

О работе с архивами и первоисточниками свидетельствуют такие фрагменты: «Последний сказ предполагался началом специального цикла (о Берёзовском золотом руднике), но, думаю, едва ли выйдет, не сумел найти времени, чтобы посидеть в Берёзовке месяц-два. Долго возился со статьей о Свердловске. Написал листа

три, даже с гаком, который пришлось сбросить. Работа не задалась. Получилось что-то вроде окрошки из личных мемуаров и попыток описать город на разных этапах его жизни. Но предварительная возня с материалом сильно растревожила» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21327 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 18.09.1945 г.), л. 4].

Более того, в письме к школьникам г. Нижние Серги писатель формулирует правила фиксации фольклорных текстов, ставшие нормой в наше время, которые далеко не всегда соблюдались во времена П. П. Бажова, что лишний раз доказывает осознанность и системность применения научных принципов самим писателем: «Еще раз напоминаю, не смущайтесь тем, что не сразу будут получаться интересные вещи. Это придет потом, а пока надо заботиться о другом, чтоб как можно больше сделать записей. Я вот говорил Вам о горе Шелом и береговых скалах речки Серьги, но это вовсе не обязательно. Если рассказывают о другом, то это и записывайте. Причем всегда отмечайте, от кого слышали (имя, отчество, фамилия, возраст, занятие). Это называется паспортизацией записи. Такая паспортизация очень нужна. Она помогает собрать людей для дополнительной беседы, где, помогая один другому, а иногда и жестоко споря друг с другом, припоминают многое, о чем раньше не говорили. В результате и начинают получаться такие предания и сказы, которые уже можно печатать» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 11218/1116 (Авторская копия письма П. П. Бажова к учащимся средней школы № 2 г. Нижние Серги, 1940-е гг.), л. 1].

• Второй тип предоставляет нам более или менее развернутую авторефлексию П. П. Бажова в сфере историзма его творчества. Пожалуй, образцовым примером такого фрагмента является следующий. В нем писатель делится своим опытом, связанным с работой по истории открытия магнитного железняка на горе Благодати охотником вогулом Степаном Чумпиным:

«Сказ о Чумпине надо искать не на горе Благодати, а гораздо севернее. О нем давно думал, но выходит совсем по-русски, и это неправильно. О нем, как и о первооткрывателях горы Высокой, Ницинского рудника и Соймановских месторождений писано много, но нигде не видно ни одной национальной черточки, а они ведь должны быть. С Благодатью крепко связан и В. Н. Татищев, но у меня за последнее время, в связи с раскопками по Акинфию Демидову, родилось какое-то еще не вполне осознанное желание связать эту историческую фигуру с двором Анны больше, чем это принято. Это, конечно, пустяк, что русским названием горы прикрывается тонкий вид придворного подхалимства. Важнее другое — отношение Татищева к организации берг-директориума, который разбазарил все Петровские заводы. Этот вот туман и мешает мне заняться материалами, больше других связанными с Татищевым. Сказ ведь, знаете, штука ажурная, которая может держаться лишь на очень прочном фундаменте, а не на тумане. Между прочим, этот вопрос у меня теперь стоит поперек дороги, многому мешает. И хуже всего, — не вижу выхода, т. к. ковыряться в подлинниках не имею физической возможности, а в литературе пестрота и полемика, которой нельзя верить» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: НВФ 5108 (Копии писем П. П. Бажова Е. А. Пермяку, 1940-е гг.), л. 75–76]. В этом

фрагменте присутствует все — книжные источники, размышления о контексте события в рамках государственного устройства, невозможность работы со столичными архивами. Представляется, что сказ не состоялся не только из-за физической невозможности «ковыряться в подлинниках», здесь писателю не хватило еще одного — некой интуитивно ощущаемой историко-художественной компоненты, без которой невозможен «очень прочный фундамент» сказа. К этой компоненте, по мысли П. П. Бажова, содержащейся в любом удачном литературно-историческом произведении (например, размышляя о романе И. С. Сигова «На старом Урале» (1941), П. П. Бажов пишет: «Даже самый обалделый от литературных канонов не может не почувствовать в этой работе струю той первозданной красоты и силы, которую никому не дано выдумать, кроме самого великого художника, именуемого жизнью» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: НВФ 5108 (Копии писем П. П. Бажова Е. А. Пермяку, 1940-е гг.), л. 53]), он периодически возвращается в своих письмах.

В одном случае писатель указывает на то, что, по замыслу, должно было составить художественно-исторический фундамент повести «Зеленая кобылка»: «Приключение мальчуганов, помощь революционеру — все это лишь фабульные крючочки и петельки. Главным ставилось другое и совсем не маленькое. Хотелось по-другому показать условия воспитания ребят в средней рабочей семье в противовес тому, что у нас нередко изображалось. Да, была темнота, но не такая беспросветная, как в “Растеряевой улице”, в подъячевских рассказах, или даже в Чеховских “Мужиках”. Была и нужда, и материальная ограниченность, но ребята не дистрофиками росли: из них ведь выходили те мастера и подмастерья, которые играючи ворочали клещами шестипудовые крицы и подбрасывали в валок тяжелые полосы раскаленного железа. Была и детская беспризорность, но она значительно ослаблялась тем, что ребята очень рано начинали себя сознавать ответственными членами семьи. Пойти на рыбалку — значило “добыть на ушку, а то и на две”, сходить в лес — принести ягод или грибов. Причем количественные и качественные показатели нередко проверялись совсем посторонними людьми. “Ну-ка, покажи, что наловил? Сколько набрал?” И ты волнуешься, что скажет этот неожиданный судья. А дома эти показатели подвергаются дополнительному обсуждению с привлечением масс: Смотри-ка, Петюнька полнёхоньку корзинку приволок, ягода на отбор! — А у Санухи вот Митька до десятого году дожил, а все кружку набрать не может! Этого, правда, в книжке нет, но оно сказано по-иному. Разве это не интересные явления общественного воспитания? А спорт и соревнование прошлого? Спорта в привычном для современного читателя виде не было, но ребята все же знали, кто сильнее, кто ловчей, кто лучше плавает, лучше бегают, кто более меток не только среди своих ближайших товарищей, но и у “врагов”, — в соседних улицах. Ведь это же все измерялось, проверялось, всячески взвешивалось. Большая надежда возлагалась и на “заединщину”. Это не то же, что школьная дружба, и это явление не городское и не сельское, а именно заводское, — своего рода отражение в детской жизни того, что у взрослых выражалось понятием “наша смена”, “человек нашей смены”. Но оказалось все это

непонятым, не привлечшим ничего внимания» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: КП 21328 (Подлинник письма П. П. Бажова к Л. И. Скорино, 27.10.1945 г.), л. 1–2].

В другом письме Бажов пытается выразить некую аналогичную, но более абстрактную компоненту для корпуса современной национальной русской литературы: «Думаю, что ни одному историку будущего не разгадать загадки, как могла эта площадка (Тагильский вокзал. — Г. Г.) вынести нагрузку военного времени. Если к этому добавить, что все это проходило не без участия блата и всякой бестолковщины, то получается нечто вовсе фантастическое, где действует уже не хозяйка горы, а кто-то более сильный и привлекательный. У старых писателей этот некто поименован по-разному, но все названия либо стерлись от долгого употребления, либо безнадежно испорчены украсительными привесками и ненужным подмалевыванием. Поэтому всем, “кому сие мощно”, надо искать новый обобщающий образ. Может статься, что жизни не хватит, чтоб выпрыгнуть за пределы березки, нивы или таких широких категорий, как русский дух, родина и т. д., но этим смущаться не приходится. Пусть даже каждому такому искателю в конце придется со вздохом повторить: “Умом Россию не понять”, но производное от этих поисков все-таки будет всегда ценным» [ОМПУ, ф. 2 (Фонд Бажова), ед. хр.: НВФ 5108 (Копии писем П. П. Бажова Е. А. Пермяку, 1940-е гг.), л. 22].

Подытоживая, необходимо сказать, что проблема «Бажов как историк» имеет место и требует своих исследователей, но не должна заслонять собой, пожалуй, более продуктивную проблему «исторического сознания» писателя. Как историк Бажов, по большому счету, не реализовался. Мы не в состоянии анализировать его исторический научный метод, общие теоретические основания, на которых базируются его исторические работы (если считать его очерки, к примеру о гражданской войне, именно историческими). Показательно, что и сам Бажов последовательно отвергает звание профессионального историка, предпочитая оставаться «неутомимым советчиком и мудрым собеседником» [Горловский, с. 558] для историков по образованию и профессии (в среде историков, к примеру, демонстративно именуя себя именно литератором).

Совсем другое возникает при постановке вопроса об историческом сознании Бажова — материалы его выступлений на исторических конференциях, его исторические суждения из воспоминаний о нем, своеобразный и специфичный характер историзма сказов и, прежде всего, материалы его переписки — свидетельствуют о весьма незаурядном историческом мышлении, сформированном в рамках его занятий историей. Привычная для П. П. Бажова работа с архивными источниками, попытки довольно серьезных и оригинальных обобщений в области уральской истории, необычная для его круга начитанность (о которой вспоминают очень многие его современники), в конце концов, влияние его деятельности на историческую науку того времени — все это еще не делает Бажова профессиональным историком, но, очевидно, выводит его историческое сознание из ряда характерных для его эпохи. Бажовский феномен может стать интереснейшим объектом для исследователя так называемой истории исторического знания.

Эпистолярный материал исторической тематики с филологической точки зрения наибольшую актуальность приобретает, безусловно, в контексте художественной практики П. П. Бажова. Критическое наложение эпистолярных размышлений писателя на его произведения, как кажется, способно обеспечить серьезный сдвиг в осмыслении специфики историчности сказовой прозы. При всем уважении к истории как науке и интересе к деятельности профессионального историка П. П. Бажов остается прежде всего литератором: занятия историей — будь то систематическая начитанность по уральской истории или работа с архивными источниками — в конечном счете оказываются подчиненными прежде всего художественным задачам П. П. Бажова. С другой стороны, историческая основа сказов — неотъемлемая часть художественного метода писателя. Поэтому чрезвычайно аккуратное, точное выявление характера взаимосвязи, взаимопроникновения фактического, исторического и историософского пластов с чисто художественным, поэтическим содержанием сказов — задача, важность решения которой сложно переоценить.

По нашему мнению, с помощью приведенной классификации нам удалось охарактеризовать наиболее существенную часть переписки П. П. Бажова по заглавной проблеме. Важнейшей задачей данной статьи является привлечение внимания исследователей к представленному выше материалу.

Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955. 272 с. [Bazhov P. P. Publitsistika. Pis'ma. Dnevniki. Sverdlovsk, 1955. 272 s.]

Бакланов Н. Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М.; Л., 1935. 323 с. [Baklanov N. B. Tekhnika metallurgicheskogo proizvodstva XVIII veka na Urале. М.; Л., 1935. 323 s.]

Батин М. А. Павел Бажов: критико-биографический очерк. Свердловск, 1983. 208 с. [Batin M. A. Pavel Bazhov: kritiko-biograficheskij ocherk. Sverdlovsk, 1983. 208 s.]

Блажес В. В. «Ермаковы лебеди», сказ // Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. С. 127–129. [Blazhes V. V. «Ermakovy lebedi», skaz // Bazhovskaya entsiklopediya. Ekaterinburg, 2007. S. 127–129.]

Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. 177 с. [Belov V. D. Istoricheskij ocherk ural'skikh gornykh zavodov. SPb., 1896. 177 s.]

Гаврилов Д. В. П. П. Бажов как историк // Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире: материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения П. П. Бажова, 28–29 января 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 53–59. [Gavrilov D. V. P. P. Bazhov kak istorik // Tvorchestvo P. P. Bazhova v me-nyayuschemsya mire: materialy mezhvuz. nauch. konf., posvyasch. 125-letiyu so dnya rozhdeniya P. P. Bazhova, 28–29 yanvarya 2004 g. Ekaterinburg, 2004. S. 53–59.]

Гельгардт Р. Р. Стиль сказов Бажова. Пермь, 1958. 482 с. [Gel'gardt R. R. Stil' skazov Bazhova. Perm', 1958. 482 s.]

Геннин де В. Описание уральских и сибирских заводов: 1735 / предисл. акад. М. А. Павлова. М., 1937. 656 с. [Gennin de V. Opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov: 1735 / predisl. akad. M. A. Pavlova. М., 1937. 656 s.]

Горловский М. А. Встречи П. П. Бажова с историками Урала // Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове / сост. В. А. Стариков. М., 1978. С. 552–558. [Gorlovskij M. A. Vstrechi P. P. Bazhova s istorikami Urala // Master, mudrets, skazochnik. Vospominaniya o P. Bazhove / sost. V. A. Starikov. М., 1978. S. 552–558.]

Дублённых В. В. П. П. Бажов как историк // *Летописцы родного края : (очерки об исследователях истории Урала)*. Свердловск, 1990. С. 126–142. [Dublennykh V. V. P. P. Bzhov kak istorik // *Letopistsy rodnogo kraja : (ocherki ob issledovatelyakh istorii Urala)*. Sverdlovsk, 1990. S. 126–142.]

Езовских Н. А. Здравствуйте, Павел Петрович! : очерки и размышления. Невьянск, 2000. 171 с. [Ezovskikh N. A. Zdravstvujte, Pavel Petrovich! : ocherki i razmyshleniya. Nev'yansk, 2000. 171 s.]

Колупанов Н. П. Колонизация Пермской губернии и распространение горного промысла // *Беседа*. 1871. Кн. 8, 9, 12. [Kolyupanov N. P. Kolonizatsiya Permskoj gubernii i rasprostranenie gornogo promysla // *Beseda*. 1871. Kn. 8, 9, 12.]

ОМПУ. Ф. 2 (Фонд Бажова). [ОМПУ. Ф. 2 (Fond Bzhova).]

Плотников И. Ф. Павел Петрович Бажов как политик и историк. Екатеринбург, 2004. 152 с. [Plotnikov I. F. Pavel Petrovich Bzhov kak politik i istorik. Ekaterinburg, 2004. 152 s.]

Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. 292 с. [Sigov S. P. Ocherki po istorii gornozavodskoj promyshlennosti Urala. Sverdlovsk, 1936. 292 s.]

Скорино Л. И. Павел Петрович Бажов. М., 1947. 275 с. [Skorino L. I. Pavel Petrovich Bzhov. M., 1947. 275 s.]

Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР: Технический прогресс за 300 лет // *Труды Института истории науки и техники*. М. ; Л., 1935. 322 с. [Strumilin S. G. Chernaya metallurgiya v Rossii i v SSSR: Tekhnicheskij progress za 300 let // *Trudy Instituta istorii nauki i tekhniki*. M. ; L., 1935. 322 s.]

Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. СПб., 1900. 561 с. [Tugan-Baranovskij M. I. Russkaya fabrika v proshlom i nastoyaschem. Istoriko-ekonomicheskoe issledovanie. SPb., 1900. 561 s.]

Фирсов Н. Н. Чтения по истории Сибири. Вып. 1. М., 1915. 101 с. [Firsov N. N. Chteniya po istorii Sibiri. Vyp. 1. M., 1915. 101 s.]

Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 1. Пермь, 1873. 577 с. [Chupin N. K. Geograficheskij i statisticheskij slovar' Permskoj gubernii. T. 1. Perm', 1873. 577 s.]

Статья поступила в редакцию 27.03.2014 г.